

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 30.06.2025 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2025-6-132-140

БИТКИНА Екатерина Сергеевна,
аспирант Кафедры интеграционного права
и прав человека МГИМО МИД России,
e-mail: katya-bitkina98@mail.ru

ПРИНЦИП ГОСПОДСТВА ПРАВА КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЕС (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ)

Аннотация. В статье по материалам правоприменительной практики Суда Европейского союза исследуется содержание и особенности применения принципа господства права в наднациональном правовом порядке Европейского союза (ЕС). В частности, в статье исследована система основных ценностей ЕС, дана оценка роли принципа господства права в составе основных ценностей ЕС, исследовано содержание данного принципа, а также понимание Судом ЕС отдельных характеристик его соблюдения, их роли в европейских интеграционных процессах. По итогам проведенного анализа сделан вывод о том, что принцип господства права представляет собой систему наднациональных ценностей, включающую в себя требования: следовать иерархически установленной системе правовых норм во главе с основными ценностями ЕС в повседневной практике, защищать и отстаивать их и восстанавливать их действие в случае нарушений. Соблюдение принципа господства права характеризуется соблюдением шести основных принципов: 1) принцип законности; 2) принцип правовой определенности; 3) принцип равенства всех перед законом; 4) принцип разделения властей; 5) запрет произвола исполнительной власти; 6) принцип независимого и эффективного судебного контроля. Соблюдение принципа господства права презюмируется в соответствии с принципом искреннего сотрудничества между государствами-членами ЕС.

Ключевые слова: ЕС, основные ценности, господство права, законность, правовая определенность, равенство, дискриминация, исполнительная власть, судебный контроль, судебная защита, независимый суд, справедливый суд, искреннее сотрудничество.

BITKINA Ekaterina Sergeevna,
Postgraduate Student of the Department of Integration Law
and Human Rights MGIMO of the Russian
Ministry of Foreign Affairs

THE RULE OF LAW PRINCIPLE AS ONE OF THE CORE VALUES OF THE EU (BASED ON LAW ENFORCEMENT PRACTICE)

Annotation. Based on the materials of the law enforcement practice of the Court of Justice of the European Union, the article examines the content and features of the application of the rule of law principle in the supranational legal order of the European Union (EU). In particular, the article examines the EU's system of core values, assesses the role of the rule of law principle in the EU's core values, examines the content of this principle, as well as the EU Court's understanding of certain characteristics of its observance and their role in European integration processes. Based on the results of the analysis, it was concluded that the rule of law principle is a system of supranational values, which includes the requirements: to follow a hierarchically established system of legal norms led by the basic values of the EU in everyday practice, to protect and defend them and to restore their effect in case of violations. The observance of the rule of law principle is characterized by the observance of six basic principles: 1) the principle of legality; 2) the principle of legal certainty; 3) the principle of equality of all before the law; 4) the principle of separation of powers; 5) prohibition of arbitrary executive power; 6) the principle of independent and effective judicial control. Respect for the rule of law is presumed in accordance with the principle of sincere cooperation between the EU Member States.

||| **Key words:** *EU, core values, rule of law, legality, legal certainty, equality, discrimination, executive power, judicial control, judicial protection, independent court, fair trial, sincere cooperation.*

Основные ценности ЕС находят свое закрепление в ст. 2 Договора о Европейском союзе [1] (далее – ДЕС). Как устанавливается ст. 2 ДЕС, «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Эти ценности являются общими для государств-членов в рамках общества, характеризующегося плюрализмом, недискриминацией, терпимостью, справедливостью, солидарностью и равенством женщин и мужчин».

В наднациональном правовом порядке ЕС соответствующие ценности обладают высшим юридическим статусом и носят правовую природу норм-принципов. Все наднациональные нормативные акты ЕС, а также национальное законодательство государств-членов ЕС должны находиться в соответствии с основными ценностями, закрепленными в ст. 2 ДЕС [2; 3]. Положения данной статьи выступают в качестве наиболее общего правового ориентира для ЕС и государств-членов, правовое поле которых должно воплощать в себе основные ценности, способствовать их всемерной реализации и защите. Несоответствие положений наднациональных актов или национального законодательства основным ценностям является основанием для их пересмотра, отмены или признания ничтожными [4].

При этом действие основных ценностей ЕС имеет и внешнее измерение. Как прямо установлено ч. 5 ст. 3 ДЕС, в своих отношениях с внешним миром Европейский союз «отстаивает и продвигает свои ценности». На международной арене ЕС «вносит вклад в ... защиту прав человека, в частности прав ребенка, а также в строгое соблюдение и развитие международного права, включая уважение принципов Устава Организации Объединенных Наций». Соблюдение основных ценностей ЕС в их интерпретации наднациональными институтами также выступает в качестве наиболее общего условия членства в Европейском союзе, условия для обладания и осуществления всех прав, вытекающих из учредительных договоров ЕС [5, para 144; 6, para 126].

Иными словами, основные ценности ЕС имеют ключевое значение не только для конструирования наднационального правового порядка ЕС, но и для деятельности ЕС на международной арене. Основные ценности выступают в качестве фундаментальных положений, исходя из которых должны выстраиваться внутренняя и внешняя политика ЕС, а также государств-членов ЕС.

Принцип господства права в системе основных ценностей ЕС является сквозным. Он носит мета-характер и обеспечивает реализацию сразу нескольких основных ценностей, включая уважение человеческого достоинства, обеспечение свободы, демократии и равенства, построение правового государства, а также соблюдение и защиту прав человека [7]. При этом реализация принципа господства права также способствует строгому соблюдению и развитию международного права. Таким образом, принцип господства права оказывается непосредственно связан с надлежащей реализацией всех основных ценностей ЕС, закрепленных в ст. 2 и ст. 3 ДЕС.

На подобное понимание принципа господства права указывает и Суд ЕС [8]: под верховенством права понимается примат права ЕС над противоречащими ему нормами национального правового порядка [9; 10; 11], а под господством права – система ценностей, предписывающая всем субъектам национального права государств-членов и права ЕС (включая в первую очередь государственные органы исполнительной власти и суды всех инстанций) следовать иерархически установленной системе правовых норм в повседневной практике, защищать и отстаивать их и восстанавливать их действие в случае нарушений [12].

Приведенный подход к пониманию принципа господства права предопределяет и **содержание принципа господства права в ЕС**. Будучи общеправовым гарантом соблюдения всех основных ценностей ЕС, принцип господства права обладает разветвленным, полиаспектным действием.

Суд ЕС [5, para 144; 6, para 126], толкуя принцип господства права, отмечает, что он характеризуется соблюдением следующих принципов: 1) принцип законности; 2) принцип правовой определенности; 3) принцип равенства всех перед законом; 4) принцип разделения властей [13, para 96; 14, para 36; 15, para 35; 16, para 58]; 5) запрет произвола исполнительной власти; 6) принцип независимого и эффективного судебного контроля (включая уважение и защиту основных прав человека).

Указанный перечень является исчерпывающим. В целом он соответствует Контрольному списку Венецианской комиссии [17] за некоторым исключением – в качестве принципа, характеризующего принцип господства права, не упоминается соблюдение прав человека. Подобное «упущение» кажется логичным – в этой области Европейский союз обладает определенными ограниченными компетенциями.

Принцип законности, в соответствии с позицией Суда ЕС, был признан одним из основополагающих принципов правопорядка ЕС [18, para 63]: соблюдение законов и наднациональных нормативных актов является обязательным для всех (включая институты ЕС). При этом Суд ЕС подчеркнул, что проверка законности нормативных актов в соответствии с установленной на наднациональном уровне процедурой должна быть доступна для институтов ЕС, государств-членов ЕС, а также для физических и юридических лиц [18, para 59]. Только при соблюдении отмеченных условий, по мнению Суда ЕС, может быть обеспечено господство права.

Впоследствии Еврокомиссия несколько расширила подход Суда ЕС, отметив, что для обеспечения законности нормативных актов необходимо строгое соблюдение прозрачности, подотчетности и демократичности законодательного (нормотворческого) процесса [19]. Соответствующее требование распространяется как на процесс нормотворчества на наднациональном уровне, так и на процесс принятия нормативных правовых актов в государствах-членах ЕС.

Принцип правовой определенности также получил свое раскрытие и оформление в правоприменительной практике Суда ЕС. В соответствии с позицией Суда ЕС [20; 21], данный принцип требует, чтобы право было ясным и предсказуемым в части установления правовых последствий для всех субъектов [21, para 10]. В деле 2022 г. «Венгрия против Парламента и Совета» [6, para 223] Суд ЕС отметил, что принцип правовой определенности требует, чтобы закон (в широком понимании) однозначно устанавливал права и обязанности субъектов права. При этом, по общему правилу, разработанному Судом ЕС, закон не должен иметь обратной силы [22, para 74].

Также субъектам права должна быть предоставлена возможность свободно ознакомиться с текстами нормативных актов. На уровне ЕС предоставление соответствующей возможности было связано Судом ЕС с публикацией всех нормативных актов в Официальном журнале ЕС [21, para 19]. Несоблюдение приведенных условий лишает нормативный акт юридической силы, а его эффективное применение оказывается невозможно или существенно затруднено.

Таким образом, принцип правовой определенности носит зонтичный характер и характеризуется соблюдением следующих принципов: принцип закрепления прав и обязанностей субъектов права, принцип (соблюдения) законных ожиданий субъектов права, принцип отсутствия обратной силы закона [23, р. 275], а также принцип официального опубликования нормативных актов.

Принцип равенства всех перед законом в практике Суда ЕС толкуется широко – как принцип равного обращения. Правовой основой данного принципа выступают положения ст. 20 и ст. 21 Хартии ЕС об основных правах [24]. Как отмечает Суд ЕС, ст. 20 Хартии, закрепляющая равенство всех перед законом, и ст. 21 Хартии, устанавливающая запрет дискриминации, переплетаются и взаимно дополняют друг друга [25, para 54-55]. При этом сам принцип равного обращения раскрывается Судом ЕС следующим образом: сопоставимые ситуации не должны рассматриваться (судами, правоприменительными органами) различным образом, а различные ситуации – одинаковым образом, за исключением случаев, когда присутствуют объективные основания для обратного [25, para 54-55].

Принцип разделения властей также напрямую отнесен Судом ЕС к основным характеристикам соблюдения принципа господства права [16, para 58; 14, para 36]. Общее содержание данного принципа носит универсальный для современных европейских стран характер. Должны существовать три независимые ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Полномочия трех ветвей власти должны быть разграничены. Система сдержек и противовесов может предполагать незначительные пересечения функций трех ветвей власти, однако ни одна из ветвей власти не должна заменять собой другие [26; 27]. Правосудие должно осуществляться только судами [14, para 36].

Запрет произвола исполнительной власти как характеристика принципа господства права, в соответствии с правоприменительной практикой Суда ЕС, понимается следующим образом: любое вмешательство органов государственной власти в сферу частной деятельности любых лиц должно быть основано на законе и должно соответствовать условиям (ограничениям), установленным законом и ограничивающим произвольное или непропорциональное вмешательство [28, para 19].

Впоследствии запрет произвольного вмешательства в частную сферу был связан Судом ЕС со ст. 47 Хартии ЕС об основных правах: право на эффективную защиту нарушенных прав и на справедливое судебное разбирательство были квалифицированы Судом ЕС как правовой механизм, защищающий любых частных лиц от произвольного или непропорционального вмешательства со стороны органов государственной власти в сферу частной деятельности [29].

Принцип независимого и эффективного судебного контроля (судебной защиты) в качестве характеристики принципа господства права

предполагает предоставление эффективной судебной защиты независимыми и беспристрастными судами.

Данный принцип находится в непосредственной взаимосвязи с правом на эффективную защиту нарушенных прав и на справедливое судебное разбирательство, то есть в качестве правового основания опирается на ст. 47 Хартии ЕС об основных правах. При этом сама ст. 47 Хартии ЕС об основных правах, как установлено Судом ЕС [30, para 17], находится в непосредственной взаимосвязи с правом на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека [31] (далее – ЕКПЧ). Основанием для подобного вывода стала ч. 3 ст. 52 Хартии, устанавливающая взаимосвязь между Хартией ЕС об основных правах и ЕКПЧ. Как отметил Суд ЕС, Хартия часто воплощает вдохновение ЕКПЧ в своем применении [30, para 17].

Как в ст. 47 Хартии, так и в ст. 6 ЕКПЧ в качестве неотъемлемого элемента права на справедливое судебное разбирательство рассматривается требование о независимости судов и судебной системы в целом [32, para 39]. Однако, в части соблюдения принципа господства права (как требования следовать иерархически установленной в ЕС системе правовых норм) независимость судебной системы приобретает дополнительные аспекты.

Суд ЕС, формируя принцип независимого и эффективного судебного контроля, пришел к выводу о том, что в его основе лежат положения абз. 2 ч. 1 ст. 19 ДЕС, в соответствии с которым «государства-члены ЕС должны предоставлять средства правовой защиты, достаточные для обеспечения эффективной правовой защиты в областях, охватываемых правом Союза». Именно в подобном понимании принцип независимого и эффективного судебного контроля характеризует соблюдение принципа господства права.

Однако, комментируя положения ст. 19 ДЕС применительно к ст. 2 ДЕС, Суд ЕС пришел к выводу о том, что принцип эффективной правовой защиты должен распространяться на всю судебную деятельность в целом, а не только на случаи применения права ЕС (как это установлено в ч. 1 ст. 51 Хартии ЕС об основных правах) [33, para 29-31; 34, para 217].

Суд ЕС прямо указал, что соблюдение принципа эффективной правовой защиты как компонента принципа господства права был доверен ст. 19 ДЕС не только Суду ЕС, но и национальным судам государств-членов в соответствии с принципом искреннего сотрудничества в сфере судебного контроля и защиты права ЕС [33, para 32-36]. Независимость национальных судов, в соответ-

ствии с выводами Суда ЕС [33, para 43], является основой для надлежащего и эффективного взаимодействия национальной судебной системы с Судом ЕС в рамках процедуры преюдициальных запросов (ст. 267 Договора о функционировании Европейского союза [35], ДФЕС). Только независимые национальные суды могут направлять соответствующие запросы в Суд ЕС.

В подобном контексте Суд ЕС пришел к выводу, что принцип независимого и эффективного судебного контроля возлагает на государства-члены ЕС обязанности по обеспечению независимости судебной системы для обеспечения ее функционирования в качестве эффективного средства правовой защиты [33, para 40-41; 34, para 220].

При этом Суд ЕС отметил, что независимость национальной судебной системы складывается из двух составляющих: 1) судебные функции осуществляются судебными органами полностью автономно (отсутствуют иерархические ограничения или прямое подчинение судов иным органам государственной власти, отсутствуют органы государственной власти, уполномоченные давать инструкции или отдавать приказы судам); 2) сформирована система гарантий, исключающих внешнее вмешательство в отправление правосудия и давление на органы судебной власти, которое способно оказать отрицательное влияние на независимость суждений судей [33, para 44].

Также Суд ЕС разработал критерии для определения допустимости вмешательства в судебную деятельность на основании национальных законов и иных нормативных правовых актов. Соответствующие критерии включают в себя следующие: 1) национальные меры оказывают влияние на независимость судебной системы; 2) введение национальных мер, оказывающих влияние на независимость судебной системы, обусловлена объективными общественными (публичными) интересами; 3) введенные ограничительные меры соразмерны защищаемым общественным интересам; 4) введенные ограничительные меры являются временными; 5) введенные ограничительные меры не относятся непосредственно к судьям [33, para 44-52].

Таким образом, принцип независимого и эффективного судебного контроля толкуется Судом ЕС системно: весь правовой порядок государств-членов ЕС должен быть выстроен таким образом, чтобы обеспечивать независимое рассмотрение и разрешение дел судами в отсутствие внешнего вмешательства, давления и контроля. При этом в основу подобной трактовки положены положения ст. 19 ДЕС об эффективной правовой защите в области права Союза, толкуемые Судом ЕС максимально широко.

Принцип независимого и эффективного судебного контроля расценивается Судом ЕС как **ключевая характеристика принципа господства права**. В частности, Суд ЕС отмечает, что принцип независимого и эффективного судебного контроля должен иметь приоритет перед принципом законности: принятие государствами-членами нормативных актов, ограничивающих независимость судов, направленное на обеспечение законности признано недопустимым [6, para 132].

Так, например, Суд ЕС не принял во внимание положения законодательства Венгрии, устанавливающего предварительные условия для обращения национальных судов с преюдициальными запросами [36]. Суд ЕС обосновал это тем, что отказ от предоставления ему права выносить решения по преюдициальным запросам национальных судов является нарушением ч. 1 ст. 19 ДЕС. Тем самым, Суд ЕС пренебрег принципом законности (соответствия закону и нормативным актам) в целях наиболее полной реализации принципа эффективного и независимого судебного контроля.

В целом, по мнению Суда ЕС, эффективный судебный контроль носит первостепенное значение, поскольку именно через деятельность судов опосредуется соблюдение права ЕС [37; 38, para 189]. Именно наличие независимого и эффективного судебного контроля гарантирует правовую определенность, равенство всех перед законом, разделение властей, запрет произвольного вмешательства в частную сферу. В отсутствие независимой и эффективной деятельности судов по защите данных характеристик принципа господства права они приобретают формальный характер.

Подобный перевес в сторону принципа эффективного и независимого судебного контроля в практике Суда ЕС понятен: европейская судебная инстанция стремится расширить собственное влияние и поставить свой судебный контроль выше положений национального законодательства и актов вторичного права ЕС. Кроме того, в отсутствие эффективной и независимой судебной деятельности соблюдение всех иных принципов-характеристик и самого принципа господства права действительно может приобрести формальный характер, не связанный с реальным воплощением соответствующих принципов и реальной защитой основных ценностей ЕС.

Тем не менее, соблюдение принципа господства права характеризуется соблюдением всех отмеченных выше принципов-характеристик (а не только принципа эффективного и независимого судебного контроля). Также все они должны в пол-

ной мере закрепляться и реализовываться на уровне национальных правовых порядков государств-членов ЕС. Только в таком случае принцип господства права будет обеспечивать реализацию основных ценностей ЕС.

Вместе с тем, принцип господства права оказывается связан с еще одним принципом европейской интеграции – **принципом искреннего сотрудничества государств-членов ЕС**, закрепленного в ч. 3 ст. 4 ДЕС. В отличие от рассмотренных выше принципов-компонентов принцип искреннего сотрудничества не входит в состав принципа господства права. По своему содержанию он носит более широкий характер.

Принцип искреннего сотрудничества связан с реализацией принципа господства права, а точнее – с правовой квалификацией (не)полноты реализации принципа господства права в отношениях между государствами-членами ЕС. Принцип искреннего сотрудничества закрепляет презумпцию того, что государства-члены ЕС соблюдают все основные ценности ЕС (включая принцип господства права).

Как отметила генеральный адвокат К.-Б. Санчес в одном из дел, рассмотренных Судом ЕС, обязанность придерживаться общих ценностей принимается государствами-членами ЕС добровольно еще на первоначальном этапе вступления в Союз. Государства-члены ЕС уважают основные ценности ЕС и обязуются не только следовать им, но и продвигать их [39]. Соответствующие ценности выступают в качестве наиболее общей основы для формирования права ЕС, признаются правом ЕС и через свою реализацию и уважение в национальных правовых порядках обеспечивают взаимное доверие между государствами-членами ЕС [6, para 125; 5, para 143; 33, para 30].

Таким образом, искреннее сотрудничество, с одной стороны, основано на соблюдении основных ценностей (включая господство права), а, с другой стороны, презюмирует, что государства-члены соблюдают основные ценности ЕС (включая господство права).

Наглядно соответствующий подход можно проследить в практике Суда ЕС. В частности, Суд ЕС постановил [40], что для установления факта нарушения принципа господства права в целом и права на справедливое судебное разбирательство в частности необходимо предварительное применение механизма ст. 7 ДЕС к государству-члену. Только в случаях, когда Европейский совет установил наличие серьезного и устойчивого нарушения принципа господства права в конкретном государстве-члене ЕС, презумпция искреннего сотрудничества может считаться опровергнутой. Информация о наличии или увеличе-

нии системных или общих недостатков правовой системы государства-члена сама по себе недостаточна для оправдания отказа в искреннем сотрудничестве с ним со стороны других государств-членов [40, para 51; 32, para 57; 5, para 192].

Комментируя данное дело, европейские эксперты [41] отмечают, что сформированный Судом ЕС подход в большей степени направлен на защиту процедуры, установленной ст. 7 ДЕС, чем на защиту принципа искреннего сотрудничества. В целом, с данной позицией можно согласиться: закрепляя процедуру ст. 7 ДЕС в качестве единственного основания для отказа от принципа искреннего сотрудничества, Суд ЕС, скорее всего, стремился сохранить полномочия по оценке соблюдения основных ценностей ЕС (включая принцип господства права) на наднациональном уровне.

Тем не менее, учитывая действие принципа эффективного и независимого судебного контроля [40, para 52], Суд ЕС в рамках приведенного дела все же сформулировал альтернативные критерии, позволяющие национальным судам оценивать соблюдение права на справедливое судебное разбирательство в других государствах-членах при рассмотрении и разрешении дел, осложненных иностранным элементом.

Суд ЕС установил, что в случае отсутствия решения по процедуре, установленной ст. 7 ДЕС, в части, ограниченной существом рассматриваемого дела, национальные суды государств-членов могут отказывать в «искреннем сотрудничестве», если [40, para 56-57]: 1) имеются объективные, надежные, конкретные и надлежащим образом удостоверенные материалы, которые свидетельствуют о наличии реальных рисков нарушения права на справедливое судебное разбирательство; 2) объективно и точно установлено, в какой степени выявленные риски нарушения права на справедливое судебное разбирательство окажут влияние на рассмотрение дела в национальных судах государства-члена.

Таким образом, фактически Суд ЕС предоставил национальным судам возможность оценивать соблюдение принципа эффективного и независимого судебного контроля в других государствах-членах при рассмотрении и разрешении дел, осложненных иностранным элементом. То есть национальным судебным органам было предоставлено полномочие по оценке одного из компонентов (но не всего) принципа господства права в других государствах-членах.

Выводы. Принцип господства права, будучи одной из основных ценностей ЕС, в то же время представляет собой основу для закрепления и

реализации всех иных основных ценностей, закрепленных в ст. 2 ДЕС. В подобном контексте принцип господства права может быть обозначен как ценность-гарантия. Именно посредством должной реализации принципа господства права обеспечивается реализация иных основных ценностей.

Под господством права понимается система ценностей, предписывающая всем субъектам национального права государств-членов и права ЕС (включая в первую очередь государственные органы исполнительной власти и суды всех инстанций) следовать иерархически установленной системе правовых норм во главе с основными ценностями ЕС в повседневной практике, защищать и отстаивать их и восстанавливать их действие в случае нарушений.

Принцип господства права характеризуется соблюдением шести принципов: 1) принципа законности; 2) принципа правовой определенности; 3) принципа равенства всех перед законом; 4) принципа разделения властей; 5) запрета произвола исполнительной власти; 6) принципа независимого и эффективного судебного контроля.

Соблюдение принципа господства права презюмируется в соответствии с принципом искреннего сотрудничества. Опровержение данной презумпции может быть дано судами государств-членов в частном порядке применительно к конкретному делу или наднациональными институтами ЕС применительно к правопорядку государства-члена в целом в рамках применения механизмов принуждения к соблюдению господства права.

Список литературы:

- [1] Treaty on European Union (Consolidated version) // OJ C 326, 26.10.2012, p. 13–390.
- [2] Лебедева Я. И. Ценности Европейского Союза: понятие, правовая природа и влияние на конституционное право суверенных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 130–147.
- [3] Филатова М. А. Конфликты конституционных и наднациональных норм: способы преодоления (на примере Европейского союза и правовых систем государств-членов ЕС) // Международное правосудие. 2013. № 4(8). С. 94–106.
- [4] Энтин М.Л., Энтина Е.Г. Политическое и регуляторное обеспечение мировых интеграционных процессов: Усилия России, Китая, Индии, ЕС и США по обретению стратегической глубины в 2022–2023 годах: Научная монография / М.Л. Энтин, Е.Г. Энтина. Москва: Галактика, Издательский Дом «Зебра Е», 2023. С. 411.

- [5] C-157/21 Republic of Poland v European Parliament and Council [2022] // ECLI:EU:C:2022:98.
- [6] C-156/21 Hungary v European Parliament and Council [2022] // ECLI:EU:C:2022:97.
- [7] Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation. Oxford: Hart Publishing, 2015. 339 p.
- [8] C-204/21 Commission v Poland [2023] // ECLI:EU:C:2023:442.
- [9] Довгань Г. В. Границы действия принципа верховенства права ЕС относительно конституции: *acquis constitutionnel* Конституционного Трибунала Польши // Проблемы законности. 2017. № 138. С. 202-209.
- [10] Чехарина В. И. Принцип верховенства права в контексте конституционной практики Польши и оценке органов ЕС // Юридическая наука. 2019. № 11. С. 74-78.
- [11] Лебедева Я. И. «Механизм обусловленности верховенством права»: новый виток принудительных мер ЕС против Польши и Венгрии / Я. И. Лебедева, Е. С. Биткина // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 34-38.
- [12] Энтин М.Л., Биткина Е.С. Применение механизмов принуждения к соблюдению принципа верховенства права в практике Европейского союза // Московский журнал международного права. 2024. № 2. С. 65-78.
- [13] C-791/19 European Commission v Republic of Poland [2021] // ECLI:EU:C:2021:596.
- [14] C-477 Ruslanas Kovalkovas [2016] // ECLI:EU:C:2016:861.
- [15] C-452/16 Krzysztof Marek Poltorak [2016] // ECLI:EU:C:2016:858.
- [16] C-279/09 DEB Deutsche Energiehandels- und Beratungsgesellschaft mbH v Bundesrepublik Deutschland [2010] // ECLI:EU:C:2010:811.
- [17] Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права (принят на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии, Венеция, 11-12 марта 2016 г.). Страсбург, 2016. 60 с.
- [18] C-496/99 P Commission of the European Communities v CAS Succhi di Frutta SpA [2004] // ECR I-03801, ECLI:EU:C:2004:236.
- [19] Communication from the Commission to the European parliament and the Council «A new EU Framework to strengthen the Rule of Law» (COM/2014/0158 final). Brussels, 11.3.2014.
- [20] Joined Cases 212 to 217/80 Meridionale Industria Salumi and Others [1981] // ECR 2735.
- [21] C-98/78 Firma A Racke v Hauptzollamt Mainz [1979] // ECR 69.
- [22] Joined Cases C-72/10 and C-77/10 Marcello Costa and Ugo Cifone [2012] // ECLI:EU:C:2012:80.
- [23] van Meerbeeck J. The Principle of Legal Certainty in the Case Law of the European Court of Justice: From Certainty to Trust // European Law Review. 2016. № 41. P. 275-288.
- [24] Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012, p. 391–407.
- [25] C-550/07 P Akzo Nobel Chemicals Ltd and Akros Chemicals Ltd v European Commission [2010] // ECR I-08301 ECLI:EU:C:2010:512.
- [26] von Bogdandy A. Defending Checks and Balances in EU Member States. Vol. 298, 1st ed. Max-Planck-Institut, 2021. 478 p.
- [27] Rosas A. Separation of Powers in the European Union // International Lawyer. 2007. Vol. 41. № 4. P. 1033-1046.
- [28] Joined cases 46/87 and 227/88 Hoechst AG v Commission of the European Communities [1989] // ECR 02859.
- [29] C-682/15 Berlioz Investment Fund v Directeur de l'administration des contributions directes [2017] // ECLI:EU:C:2017:373.
- [30] Joined cases C-174/98 P and C-189/98 P Netherlands and Van der Wal v Commission of the European Communities [2000] // ECR I-00001 ECLI:EU:C:2000:1.
- [31] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (г. Рим, 4.XI.1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
- [32] Joined Cases C-354/20 and C-412/20 L and P [2020] // ECLI:EU:C:2020:1033.
- [33] C-64/16 Associação Sindical dos Juízes Portugueses v Tribunal de Contas [2018] // ECLI:EU:C:2018:117.
- [34] Joined Cases C-357/19, C-379/19, C-547/19, C-811/19, and C-840/19 Euro Box Promotion e.a. [2021] // ECLI:EU:C:2021:1034.
- [35] Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version) // OJ C 326, 26.10.2012, p. 47–390.
- [36] Case C-564/19 IS [2021] // ECLI:EU:C:2021:949.
- [37] C-72/15 PJSC Rosneft Oil Company [2017] // ECLI:EU:C:2017:236.
- [38] Joined Cases C-83/19, C-127/19, C-195/19, C-291/19, C-355 and 397/19 Asociația «Forumul Judecătorilor din România» [2021] // ECLI:EU:C:2021:393.
- [39] C-156/21 Hungary v European Parliament and the Council of the European Union [2021]. Opinion of AG Sánchez.
- [40] Joined Cases C-562/21 PPU and C-563/21 X and Y v Openbaar Ministerie [2022] // ECLI:EU:C:2022:100.

[41] Popelier P., Gentile G., van Zimmeren E. Bridging the gap between facts and norms: mutual trust, the European Arrest Warrant and the rule of law in an interdisciplinary context // *European Law Journal*. 2021. № 27(1-3). P. 167-184.

Spisok literaturey:

[1] Treaty on European Union (Consolidated version) // OJ C 326, 26.10.2012, p. 13–390.

[2] Lebedeva YA. I. Cennosti Evropejskogo Soyuza: ponyatie, pravovaya priroda i vliyanie na konstitucionnoe pravo suverennyh gosudarstv // *ZHurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2022. T. 18. № 2. S. 130-147.

[3] Filatova M. A. Konflikty konstitucionnyh i nadnacional'nyh norm: sposoby preodoleniya (na primere Evropejskogo soyuza i pravovyh sistem gosudarstv-chlenov ES) // *Mezhdunarodnoe pravosudie*. 2013. № 4(8). S. 94-106.

[4] Entin M.L., Entina E.G. Politicheskoe i regulatornoe obespechenie mirovyh integracionnyh processov: Usiliya Rossii, Kitaya, Indii, ES i SSHA po obreteniyu strategicheskoy glubiny v 2022–2023 godah: Nauchnaya monografiya / M.L. Entin, E.G. Entina. Moskva: Galaktika, Izdatel'skij Dom «Zebra E», 2023. S. 411.

[5] C-157/21 Republic of Poland v European Parliament and Council [2022] // ECLI:EU:C:2022:98.

[6] C-156/21 Hungary v European Parliament and Council [2022] // ECLI:EU:C:2022:97.

[7] Closa C., Kochenov D. Reinforcing the Rule of Law Oversight in the European Union, in *Strengthening the Rule of Law in Europe: From a Common Concept to Mechanisms of Implementation*. Oxford: Hart Publishing, 2015. 339 p.

[8] C-204/21 Commission v Poland [2023] // ECLI:EU:C:2023:442.

[9] Dovgan' G. V. Granicy dejstviya principa verhovenstva prava ES otnositel'no konstitucii: acquis constitutionnel Konstitucionnogo Tribunala Pol'shi // *Problemy zakonnosti*. 2017. № 138. S. 202-209.

[10] CHEkharina V. I. Princip verhovenstva prava v kontekste konstitucionnoj praktiki Pol'shi i ochenke organov ES // *YUridicheskaya nauka*. 2019. № 11. S. 74-78.

[11] Lebedeva YA. I. «Mekhanizm obuslovlennosti verhovenstvom prava»: novyj vitok prinuditel'nyh mer ES protiv Pol'shi i Vengrii / YA. I. Lebedeva, E. S. Bitkina // *EvrAzijskij yuridicheskij zhurnal*. 2022. № 1(164). S. 34-38.

[12] Entin M.L., Bitkina E.S. Primenenie mekhanizmov prinuzhdeniya k soblyudeniyu principa verhovenstva prava v praktike Evropejskogo soyuza // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2024. № 2. S. 65-78.

[13] C-791/19 European Commission v Republic of Poland [2021] // ECLI:EU:C:2021:596.

[14] C-477 Ruslanas Kovalkovas [2016] // ECLI:EU:C:2016:861.

[15] C-452/16 Krzysztof Marek Poltorak [2016] // ECLI:EU:C:2016:858.

[16] C-279/09 DEB Deutsche Energiehandels- und Beratungsgesellschaft mbH v Bundesrepublik Deutschland [2010] // ECLI:EU:C:2010:811.

[17] Kontrol'nyj spisok voprosov dlya ocenki soblyudeniya verhovenstva prava (prinyat na 106-m plenarnom zasedanii Venecianskoj komissii, Veneciya, 11-12 marta 2016 g.). Strasburg, 2016. 60 s.

[18] C-496/99 P Commission of the European Communities v CAS Succchi di Frutta SpA [2004] // ECR I-03801, ECLI:EU:C:2004:236.

[19] Communication from the Commission to the European parliament and the Council «A new EU Framework to strengthen the Rule of Law» (COM/2014/0158 final). Brussels, 11.3.2014.

[20] Joined Cases 212 to 217/80 Meridionale Industria Salumi and Others [1981] // ECR 2735.

[21] C-98/78 Firma A Racke v Hauptzollamt Mainz [1979] // ECR 69.

[22] Joined Cases C-72/10 and C-77/10 Marcello Costa and Ugo Cifone [2012] // ECLI:EU:C:2012:80.

[23] van Meerbeeck J. The Principle of Legal Certainty in the Case Law of the European Court of Justice: From Certainty to Trust // *European Law Review*. 2016. № 41. R. 275-288.

[24] Charter of Fundamental Rights of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012, p. 391–407.

[25] C-550/07 P Akzo Nobel Chemicals Ltd and Akcros Chemicals Ltd v European Commission [2010] // ECR I-08301 ECLI:EU:C:2010:512.

[26] von Bogdandy A. *Defending Checks and Balances in EU Member States*. Vol. 298, 1st ed. Max-Planck-Institut, 2021. 478 p.

[27] Rosas A. Separation of Powers in the European Union // *International Lawyer*. 2007. Vol. 41. № 4. P. 1033-1046.

[28] Joined cases 46/87 and 227/88 Hoechst AG v Commission of the European Communities [1989] // ECR 02859.

[29] C-682/15 Berlioz Investment Fund v Directeur de l'administration des contributions directes [2017] // ECLI:EU:C:2017:373.

[30] Joined cases C-174/98 P and C-189/98 P Netherlands and Van der Wal v Commission of the European Communities [2000] // ECR I-00001 ECLI:EU:C:2000:1.

[31] Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod (g. Rim, 4.II.1950 g.) // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2001. № 2. St. 163.

[32] Joined Cases C-354/20 and C-412/20 L and P [2020] // ECLI:EU:C:2020:1033.

[33] C-64/16 Associação Sindical dos Juizes Portugueses v Tribunal de Contas [2018] // ECLI:EU:C:2018:117.

[34] Joined Cases C-357/19, C-379/19, C-547/19, C-811/19, and C-840/19 Euro Box Promotion e.a. [2021] // ECLI:EU:C:2021:1034.

[35] Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version) // OJ C 326, 26.10.2012, p. 47–390.

[36] Case C-564/19 IS [2021] // ECLI:EU:C:2021:949.

[37] C-72/15 PJSC Rosneft Oil Company [2017] // ECLI:EU:C:2017:236.

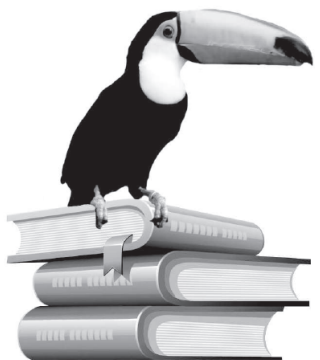
[38] Joined Cases C-83/19, C-127/19, C-195/19, C-291/19, C-355 and 397/19 Asociația «Forumul Judecătorilor din România» [2021] // ECLI:EU:C:2021:393.

[39] C-156/21 Hungary v European Parliament and the Council of the European Union [2021]. Opinion of AG Sánchez.

[40] Joined Cases C-562/21 PPU and C-563/21 X and Y v Openbaar Ministerie [2022] // ECLI:EU:C:2022:100.

[41] Popelier P., Gentile G., van Zimmeren E. Bridging the gap between facts and norms: mutual trust, the European Arrest Warrant and the rule of law in an interdisciplinary context // European Law Journal. 2021. № 27(1-3). P. 167-184.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.